

Ирина Машинская

ЖЕЛТЫЙ КАРАНДАШ

УТРО НА ТРЕСКОВОМ КРАЮ

К волне и от волны
в толпе и за толпой
песочник дорогой,
кулик береговой.

По мокрому песку,
по твердой отмели,
до темного вдали
дойду — и поверну.

Не мост, не пирс, не док —
опоры вышли вдаль
как очередь, глядящая
в невидимую цель.

Ни от кого забор
их четкий перебор,
и плещет по ногам
волна к волне к волнам.

Мир бирюзов и бел —
блажен, кто в нем побыл
и трогал пены сеточку
и стойких балок гниль,

Кто шел на полюс их
разрушенных, родных
чтоб положить ладонь
на их горячий верх,

кто знает, как сильны,
вставая из волны
с подгнившей стороны
и с жаркой стороны.

С тобой — и от тебя,
с тобой — и за тобой
по блеску осевой,
с песочников толпой,

с былым — и набело,
с умом — и без него,

внутри себя и вне.
Заплыв — и я в уме.

ЗЕМЛЯ ПРИБЛИЖАЕТСЯ

На выселках смотри
на веселках
на угловатом ломаном востоке
на гнупом снизу прямо на обрыв
плывут ночные солнечные доки
стоящие на рейде города
а если вдуматься то малые поселки
на резаных как puzzle больших заливах
ждут навигации вернуться в города
и так Далекий Восток что все есть Запад

Там городские сдержанные танцы
шары из маленьких квадратиков зеркал
вращаются на нитках планетарных
Большой земли запретный плод
и зеркальца болот
и черный ситчик: луг-болото-пойма
и снова танцплощадка фонари
и яростный фонарь ночного склада

Они внизу они уже внутри
он накренился забирая влево
Как это клево боже мой как это клево! —
ладонью льда касаясь, конькобежец
освоивший лишь левый поворот

Ты новичок, ты чуткое никто
и ты вот-вот
сейчас
сойдешь на землю
на скрученных
от долгого дрожащих перелета
сойдешь вот-вот на свой благословенный

Грунт — а под ним кору
а вдуматься — на яблочную кожу
на шкурку в пятнах что твоя шагреня
не знающая извести и воска
уже потраченную
уже как в Первый день

потраченную
туда где каждый день как возвращенье
с Колымы

МАРТ

Ах сугроб немое пение
над расколотой губой
не хватило оглавления
в нашей книге голубой

Снова снова куртки скинуты
на одетую кровать
дни что прожиты не поняты
но воротишься в те комнаты
жизнь полжизни начинать

Там все той же краской крашены
стены грубо как гуашь
и закатом огорошенный
в угол катится непрошенный
желтый папин карандаш

Где как дети спят родители
под аптечную совой
ты один лежишь свидетелем
одиноким часовой

В этом неслучайном ворохе
он разыщется не вдруг
заново в морозном воздухе
замедляющийся звук

Ты же отступая к выходу
что пожато не посеи
в холодящем чистом воздухе
оглянуться не посмей

Пусть горбом сугробом в крапину
март как прежде возлежит
он как локоть над царапиной
больше не принадлежит

В неслучайном измерении
однократном вираже

годы данные в парение
испаряются уже

Собирай судьба пречистая
разворошенный тобой
дни пустые перелистывая
в новой книге голубой